
ПИТАННЯ СЛОВОТВОРУ ТА МОРФОЛОГІЇ

УДК [811.11+811.16]’373.211.1-115

О. Н. Скляренко

О некоторых разновидностях суффиксальных образований в ойконимии (типологический аспект)

В статье рассматривается типологическое сопоставление топонимических суффиксов в разных языках. Аргументируется типологический изоморфизм их трансформирующих путей.

Ключевые слова: суффикс, топоформант, ойконим, дериватема, германские и славянские языки.

Аффиксальные образования, к которым применим термин *дериватемы*, предложенный И. И. Коваликом [11: 28-32], можно разделить на две основные, но далеко не равнозначные группы — суффиксальные и префиксальные. В восточнославянских языках суффиксальный способ словообразования является наиболее распространённым и продуктивным в сфере имён существительных, а префиксальный наиболее широко используется при образовании глаголов [ср., напр., 29: 28, 45].

В языкознании господствует мысль, что суффиксы возникли из бывших конечных компонентов сложных слов. Однако И. И. Ковалик подчеркивает, что суффиксы образуются не только из бывших конечных компонентов композитов или самостоятельных лексических единиц, но и из бывших флексий в результате морфологического переразложения слов путём заимствования из других языков [10: 32].

В разных языках преобладает тот или иной способ образования суффиксов. В славянских языках редко можно установить происхождение суффиксов из бывших самостоятельных слов, и суффиксальные топонимы в подавляющем большинстве можно охарактеризовать как подлинные суффиксальные образования. Некоторая часть топонимических дериватем в английском языке (и шире — в германских языках) также образована при помощи подлинных топонимических суффиксов. Таким является, например, древнейший общегерманский топонимический суффикс *-ing*, отмеченный и среди американских производных ойконимов: **Banning, Corning** (CA); **Belding, Channing, Chesaning** (MI). В американской ойконимии дериватемы с германским суффиксом *-ing* встречаются в любом регионе, ср.: **Goulding, Sebring** (FL); **Redding**, (CA); **Munising**, (MI); **Erving**, (MA); канадск.: **Anning, Barring, Channing, Manning, Spalding**. Отметим сразу же, что, во-первых, эти названия нередко представляют собой заимствования, переносы с британской метрополии, а, во-вторых, они объединены единым конечным формантом, который претерпел разнообразные трансформации.

В славянских языках дериватемы аналогичного плана охватывают прежде всего образования с суффиксом *-ичи* (*-ичі*), который также оформляет разнохарактерные образования, укр.: **Бортничі, Микуличі, Княжичі, Рославичі** (Кв); русск.: **Березичи, Выгоничи**.

Для американских ойконимических дериватем характерны топонимические суффиксы *-ia*, *-a*, не свойственные ойконимам Великобритании: **Petrolia, Centralia, Bostonia, Amazonia, Venturia; Fontasna, Ventura, Gardena, Lemona**. Назовём такие суффиксы *первичными топонимическими суффиксами*.

Украинская топонимия очень богата разнообразными суффиксальными образованиями не только в количественном отношении, но и в качественном [28: 162]. В формировании суффиксальных ойконимов в украинском языке принимают участие 52 суффикса [4: 94-98]. Естественно предполагать (и это подтверждается фактами), что различные топонимические регионы обладают своим специфическим спектром топоформантов: “у каждого форманта своя судьба и, следовательно, свой ареал. Исторические различия образовали на каждой территории характер-

ный спектр топонимических формантов” [15: 69]. Число разных топоформантов варьируется в широком диапазоне. Так, в современной украинской ойконимии суффикс *-ivk-a* формирует 1727 ойконимов, суффикс *-инк-а /-інк-а* — 308 названий, суффикс *-ичи* — 199 названий, а суффикс *-ани / -яни* — всего 39 [4: 94 — 97]. Некоторые из этих суффиксов имеют межнациональный характер. Например, суффиксы *-ivci*, *-инці* широко представлены в топонимии многих славянских языков [3: 66]. Суффиксация относится и к “главнейшим чертам топонимии русской”, также отличаясь богатством и разнообразием суффиксов [26: 70–82]. Ойконимия США бедна суффиксацией и качественно. Например, в ойконимии Флориды используется всего 9 различных топоформантов, в Калифорнии — 8, в Мичигане — 9 и в Массачусетсе — 15 [28: 162].

Формирование германских топонимов с помощью суффикса *-ing* происходило ещё в общегерманский период. В глубокой древности возникла необходимость обозначения родовых и племенных территорий. Поэтому названия многих мест оказались связанными с именами отдельных родов и племён, ср. названия древнесаксонских племен в Великобритании: **Billinge** < **Billingas** от **bill* — “меч”, **Eastling** < **Eslingas** — от др. — англ. **Esla* — “готы” [38: 43, 157]; названия германских племён: **Greutingi** — от др. — сканд. **grjo't* (Grot — “камень”); **Juthungi** — от др. — сканд. **jo'p* — “ребёнок”, **Tervingi** — от готск. **Triu* — “дерево” [40: 242 — 246].

Со временем топоформант *-ing* перешагнул границы распространения одного языка, широко употребляясь в Англии, в скандинавских странах, в Швейцарии, Италии, Франции. На территории современной Франции можно встретить такие названия: **Balinghem** < **Balingehem** (1127 р.) (от имени *Bavilo* и *-ing + -heim* — ‘село’); **Boëseghem** < **Bousingahem** (877 р.) (от имени *Boso* и *-ing + -hem* — ‘село’); **Bolsdinghem** < **Bodningahem** (844 — 864 pp.) (от имени *Baudin* и *-ing + -hem* — ‘село’); **Verlincthun** < **Verlinghtun** (1173 р.) (от имени **Weilo* и *-ing + -tun* — ‘село’) [37: 48, 88, 91, 92, 707]. Немецкий город **Lübeck** (Любек) был основан в 1145 р. как славянское поселение **Lubice** < антропоосновы *Люб-* + суф. — *ичи*, т. е. ‘поселение рода Люба’ [21: 249].

Общегерманскому суффиксу *-ing* по своей первичной семантике и по последующим семантическим трансформациям типологически близок славянский суффикс *-ичи* (*-ичи*). Топонимы на *-ичи* (*-ичи*) относятся к тем праславянским топонимическим образованиям, возникновение которых приходится на период племенного существования славян: “его начало следует соотносить с периодом балто-славянского единства, на что указывают рефлексы **-itj* в балтийских языках, ср. лит. — *ytis*” [12: 12]. Суффикс *-ичи* (вернее, его фонетический предшественник), по всей видимости, присутствовал ещё в топонимии праславянского языка [8: 51; 32: 46; 15: 7-9; 23: 45-46]. Территория распространения славянских топонимов на *-ичи* охватывает восточную, центральную и южную часть Европы, концентрируясь на землях лужичан, чехов, словаков, частично в Венгрии, Польше: “патронимическая форма типа “*кривичи*” встречалась во всех вновь колонизованных областях: и на Эльбе, и на Балканах, и в Средней России” [25: 222]. У южных славян названия на *-ичи* концентрируются преимущественно в Боснии, Герцеговине, Хорватии и Черногории. Названия на *-ичи* встречаются также в Западной Болгарии и Северной Греции [12: 121]. В германской топонимии, наряду с топонимическим суффиксом *-ing* с древнейших времён, примерно с 500 годов до н. э., получили прочный статус топонимообразующие форманты. Это общегерманские компоненты со значением “деревня”, “дом, жилище”, “отгороженный луг” и т. д. Последующая судьба и германских языков, и их топонимических систем, и статус рассматриваемых финалей сложились по-разному. Скандинавская система географических названий устойчива и консервативна. Термины-форманты, составляющие основное ядро древнейших топонимообразующих средств, и в настоящее время сохраняются в скандинавских языках как самостоятельные слова, обозначающие топографические объекты, виды жилья и т. д. [6: 58 — 59]. Английский язык, в отличие от скандинавских языков, в силу особых условий своего развития, сохранил всего около 25% исходной германской апеллятивной лексики. Поэтому древние исходные географические термины сейчас не имеют независимого функционирования и употребляются только как своеобразные топонимические суффиксы.

В английской топонимии отмечено свыше 50 ойконимических суффиксов (вместе с их вариантами) [2: 48–52], которые исторически восходят к апеллятивам-терминам, связанным с жизнью и деятельностью человека, и терминам, относящимся к природным объектам: *-born*, *-cot*, *-den*, *-don*, *-ey*, *-ham*, *-leigh*, *-li*, *-ton*, *-wich*, *-worth* и др. Многочисленные немецкие топонимы типа **Schwarzach**, **Steinach**, **Salzach**, **Rotach**, **Urach** этимологически представляют собой компо-

зиты, конечный компонент которых *-ach* является одной из трансформаций древненемецкого слова *aha* — “вода” [47: 43]. Однако в современной форме эти названия нельзя трактовать как сложные. Их можно интерпретировать как производные со специфическим топоформантом *-ach*, оформляющим данные ойконимы. Многие шведские топусуффиксы также возникли путем выветривания семантики конечных компонентов сложных топонимов, их структурного переразложения и опрощения: **Breidsbyr** > **Braceby**, **Leifsbyr** > **Laseby**, **Griotsbyr** > **Grasby**, **Barkarbyr** > **Barkby**, ср. также **Hawardsbi**, **Osgofabi**, **Ounabi** [27: 62.]. Назовём суффиксы, возникшие из независимых слов, *вторичными топонимическими суффиксами*.

В ойконимии любого региона имеются названия населенных пунктов, один или оба компонента которых восходят к полнозначным лексемам иного языка. В американской топонимии, образованной взаимодействием различных субстратов и адстратов, особенно многочисленны такие названия. К ним относятся, например, ойконимы с конечным компонентом *-burg* (нем. *Burg* — “крепость”), ср.: **Leesburg** (FL), с компонентом *-mont* (франц. *mont* — “гора”), ср.: **Claremont**, **Beaumont**, **Belmont** (CA), с компонентом *-polis* (греч. *πόλις* — “город”), ср.: **Cassopolis** (MI), **Annapolis**, **Indianapolis**, **Jacksonpolis**. Исключительно многочисленны ойконимы с конечным *-ville* (франц. *ville* — “город”), распространённые в США повсеместно: **Balduinville**, **Bondsville**, **Brookville**, **Chilonville** (MA). Типологически интересно отметить, что английский компонент *-field* “поле” в ряде случаев приобретает форму, идентичную с франц. словом *ville* “город”, но здесь происходит противоположный процесс — побеждает иноязычное слово, ср.: **Enville** < **Evenfield** “ровное поле” [45: 36]. П. Рини этимологизирует ойконим **Barville** как “открытое пространство”, ойконимы **Clanville** и **Glanvill** идентифицирует с **Clanfield** с исходным значением “чистое пространство”, “пространство, очищенное от кустарников”, а **Turville** сопоставляет с **Therfeld** — “сухое поле” (др. англ. *thyrre* > *dry* “сухой”). Со временем конечный элемент *-ville* стал популярен при наименовании новых населённых пунктов: **Coalville**, **Ironville**, **Woodville** [44: 202]. Конечно, “степень деривативности” у разных топоформантов такого рода неодинакова. Слово *ville* в американской ойконимии превратилось в высокопродуктивный топоформант, который способен сочетаться с основами различного языкового происхождения, амер: **Fruitville**, **Graceville**, **Greenville**, **Niceville**, **Woodville** (FL), **Farmersville**, **Maryville**, **Victorville** (CA), **Centerville**, **Lakeville** (MA). Ср. соединение с испанскими основами: **Mesaville** (исп. *mesa* — “плоскогорье”), **Altaville** (исп. *alta* — “высокий”), **Oroville** (исп. *oro* — “золото”). Суффиксоидность вторых основ сложных слов, заимствованных из других языков, постепенно получает признание в языкознании. Многочисленные ойконимы Средней Азии заканчиваются на *-абад* (персидское слово *абад* — “поселение”): **Ахматабад**, **Аллахабад**, **Джелалабад**, **Джалилабад**; компонент *кент*, *кент*, *канд* — “город, поселение” встречается только в составе названий городов: **Ташкент**, **Чимкент**, **Самарканд**, **Коканд**. Слово *тура* в тюркских и монгольском языке значит “город, поселение, жилище”, откуда ойконимы: типа **Яштура**, **Том-Тура**, **Ойрот-Тура** и др. В названиях городов Северной Индии выделяется элемент *пур*, вероятно, имевший значение “город”: **Канпур**, **Рампур**, **Гурдаепур**. В ойконимах Южной Индии конечное *-ур* происходит от дравидского слова “деревня, посёлок, город”: **Шарпур**, **Поданур**, **Бангалур**, **Манчалур** [5: 58 — 59].

Отметим, что в современных славянских и американских ойконимических композитах имеются две параллельные конечные морфемы (*-град* и *-город* и, соответственно, *-тон* и *-таун*). Восточнославянские и американские композитные ойконимы на *-город* (resp. — *town*) со структурной точки зрения представляют собой не сложения, а сращения аппозитивных словосочетаний, их универбизацию, ср. исходные русские топонимические словосочетания **Ивань городь**, **Василь городь**, **Рай-городь**, **Мирь-городь** [35: 81], сформировавшие еще в древнерусскую эпоху небольшой, закрытый словообразовательный ряд, который сейчас выступает как непродуктивная модель [35: 80], ср. укр.: **Ивангород**, **Степангород**, **Шаргород**, **Ужгород**, **Миргород**, **Райгород**. Американский коррелят *-town* также мало употребителен в североамериканской ойконимии. Во Флориде он встречается в 7 ойконимах: **Georgetown**, **Indiantown**, **Watertown**, **Yankeetown** и др, в Массачусетсе — в 6 названиях и один раз в ойконимии Калифорнии и Мичигана [28: 113].

Начало славянским ойконимам на *-град* положило древнеболгарское название Стамбула — Константинополя — **Царьград**, представляющее собой кальку греч. *βασιλευς πόλις*. По его модели в последующие времена продолжались создаваться новые ойконимы: **Павлоград**, **Елизаветград**, **Константиноград**, а также **Кировоград**, **Калининград**. Др. — англ. конечный компонент

-ton сохранил свои топонимообразующие потенции до настоящего времени, широко употребляясь в ойконимии США. В штате Массачусетс он представлен в 33 образованиях, ср.: **Paxton, Stoughton**; в Мичигане — в 29, в Калифорнии — в 8 и во Флориде — в 5 [28: 113].

Конечные компоненты *-град* и, соответственно, *-ton* в современной ойконимии представляют собой своеобразные топонимические аффиксоиды, находящиеся на пути от композитных компонентов к топонимическим суффиксам. Как англоязычные, так и восточнославянские ойконимы с этими конечными компонентами выступают как открытые словообразовательные ряды, пополняющиеся новыми ойконимическими единицами и в настоящее время: **Зерноград, Целиноград, Кедрograd** и др.

Возникает вопрос о структурно-словообразовательном статусе топонимов с иноязычными компонентами. Нередко такие образования считаются сложными. А. И. Лебедева полагает, что в ойконимах типа **Екатерингоф, Мариенгоф** компонент *-гоф* (нем. Hof — “двор”) — “часть сложного слова” [14: 45]. Е. А. Черняховская относит к сложным ойконимы с конечным компонентом, восходящим к греч. слову πόλις: **Маркопіль, Христиноноль** [34: 145]. Е. Мюре также относит к композитам французские топонимы с *-polis*: **Gratianopolis** (379 р.) ‘город императора Грациана’ (современный **Grenoble**) [42: 91]. Дж. Стюарт видит в ойкониме **Minneapolis** (MN) комбинацию индейского названия **Minnehaha** и греч. слова πόλις — ‘место’, где ‘а’ сохранилось от **Minneapolis** [46: 297]. Л. Фитцпатрик характеризует элементы сложных топонимов *-town, -center, -city, -dale, -field, -fort, -grove, -side, -ville, -ford* как топонимические суффиксы [39: 12]. Р. Л. Рамсей предлагает выделить группы “свободных” и “составных” топонимических аффиксов (detached and attached) [43: 14]. И. И. Ковалик напоминает, что “о суффиксальном характере” конечной части русских названий городов **Ленинград, Сталинград -град** писал ещё Б. Унбеггаун, а П. Зволинский указывал на процесс “суффиксализации” *слова-суффикса* (курсив наш. — О. С.) *-slaw* в польских географических названиях [В. Unbegaun, П. Зволинский, цит. по 10: 32–33]. А. В. Суперанская решает этот вопрос чётко и однозначно. Она считает, что в русском языке сложные названия можно выделить только на основе русского языка. Все нерусские сложные образования она относит к простым [30: 71]. Эта точка зрения абсолютно правильна. Но она полностью справедлива только в том случае, если рассматривать одно конкретное название вне топонимического ряда изоструктурных. Если же анализировать названия с иноязычным компонентом на основе структурно-функционального подхода, с учётом массовой повторяемости этих компонентов, если учитывать инклюзивную способность топонимической системы, то результаты анализа будут иными. Повторяющиеся иноязычные компоненты приобретают новую функциональную нагрузку, указывая, в частности, что образованные с их помощью названия являются именно ойконимами (а не названиями гор или рек). Генетически иноязычные, такие финалии при синхронно-функциональном рассмотрении являются специфическими топоформантами и составляют неотъемлемую часть топонимических дериватов данного языка.

Как и германский суффикс *-ing*, славянский суффикс *-ичи* употреблялся прежде всего как трибальный суффикс для формирования названий племён, родов: “Кривичи <...>, Радимичи <...>” [23: 46], ср.: *лютичи, кривичи, вятичи, дреговичи, радимичи*. Названия ряда сел **Кривичи** в Белоруссии, отмечает В. А. Жучкевич, “племенное название одной из групп славян — кривичей” [7: 151]. Важно подчеркнуть, что в славянских языках, богатых суффиксами, указанное значение выражалось при помощи иных суффиксов, например суффиксом *-аны (-яны)*: *бужани, волиняни, моравани* и упоминается “на страницах Летопису Руського X — XII вв.” [3: 67 — 68]. Название немецкого города **Dresden** происходит от славянского (лужицкого) топонима **Drezd’ane** — “жители лесов”, от луж. *drezga* — “лес”, “(мелкая) поросль”. Нередко эти названия родов связаны первоначально с указанием на место их проживания или на выходцев из определённой местности: **дреговичи** — от дрегва “болото”, т. е. “болотные люди”, **древляне** — “жители леса”, этноним **уличи (угличи)**, возможно, возник от апеллятива *лука* “территория у изгиба реки, “в углу” между реками”), ср. с формой **лучане** и др. [см. об этом: 31: 186; 33: 52]. Ю. А. Карпенко возводит этноним *славяне* к засвидетельствованному праславянскому названию Днепра — **Словута**; т. е. название *славяне* (не племенное, а территориальное) буквально значит “днепровцы” [9: 5].

В недрах позднего родового строя, в новой исторической эпохе (хронологически разной для германцев и славян, но одинаковой по своей последовательности) эти суффиксы (германский *-ing* и славянский *-ичи*) формируют топонимы из личного имени. Личное имя основателя рода,

родоначальника переносилось на всю родову общину. Возникают патронимические обозначения потомков по предку, которые переходят и на место их проживания, становятся топонимами, ср. англ.: **Angmering** — “место проживания потомков (или подданных) Angemare -a”; **Ealing** — “место проживания потомков (или подданных) человека по имени Gilla”; **Reading** — “место проживания потомков (или подданных) Read -a”; ср. также: **Gedling, Roding, Ferring, Patching, Poling, Kettering, Worthing** и т. д. Ср. нем.: **Meiningen** — “место проживания потомков (или подданных) человека по имени Magano”; **Sigmaringen** — “место проживания потомков (подданных) Siegmars -a” [27: 46]; ср. славянские топонимы, имеющие в основе древнеславянские личные имена родоначальников: **Ярославичи, Молибожичи**; ср. географические названия до XII века на территории бассейна р. Эльбы: **Liezizi** (946), **Zizzizi** (1150), **Zemzici** (946) [41: 31]. Словообразовательная структура базовых названий на *-ичи* с христианскими именами на территории правобережной Украины “возникла задолго до XIII — XIV вв.” [15: 8]. По данным М. П. Мриглад, значительно реже, чем полные имена, в основах ойконимов на *-ичи* выступают “усечённые варианты христианских имён (образованные чаще всего способом апокопы, иногда — аферезы) **Демичи** — от *Дем* < *Дементий, Демид, Демьян*; **Меленовичи** — от *Мелен* < *Мелентий*; **Ганичи** — от *Ган* < *Йоган*” [15: 7].

Названия местностей как на *-ing*, так и на *-ичи* (и *-ане /-яне*) по своей форме **Pluralia tantum**. Они развились в глубокую старину как результат соответствующих особенностей древнего мышления [22: 136] и представляют собой переосмысление некоторой неопределённой множественности (название группы людей) в единичные предметы (название места проживания этих людей). Исходной формой английского *-ing* была полная плюральная форма *-ingas*, имевшая значение “люди (потомки или подданные) человека по имени ...”. Полная суффиксальная форма *-ingas* сохранялась, в топонимах **Hastings** — “территория людей *Hasta-a*”, **Redinges** (современный топоним **Reading**) [45: 164, 292].

Распад родового строя, формирование феодализма находят своё отражение в ономастике. При феодализме весьма важным показателем является частная собственность и прежде всего собственность на землю, угодья, селения. В сфере собственных географических имён также происходят принципиальные изменения: названия, в основе которых лежат именованья потомков, сменяются названиями с антропонимической основой — именами зависимых людей. Патронимичность названий сменяется посессивностью. И хотя патронимические и посессивные топонимы представляют собой два различных типа образований, в большинстве случаев они являются отантропонимическими топонимами, и без специальных этимологических исследований их невозможно дифференцировать. В основе посессивных топонимов не обязательно лежит личное имя. Иногда она обозначала положение владельца, его статус, ранг, звание и т. д., ср. англ.: **Fring** < **Freingas** от др. англ. — *frega* — “лорд”; рус.: **Бискупичи** (от *бискуп* — “епископ”), **Княжичи, Поповичи**. Неоднократно встречающиеся названия **Дедичи** (укр. **Дідичі**) — это не патронимическая форма, а “определённый социально-экономический, даже юридический термин, применяющийся для обозначения крестьян на наследственной земле” [17: 143].

Со временем, однако, как германский суффикс *-ing*, так и славянский *-ичи* превращаются в усложнённые топоформанты, соединяясь с рядом иных элементов. В английском языке к *-ing* присоединяются генетически независимые полнозначные слова, указывающие на частные владения. Наиболее древним элементом, присоединяемым к *-ing*, была финалия *-ton* — “ферма”, “деревня”. Первоначально это была независимая лексема, которая агглютинировалась к собственно топониму на *-ing*. Так, топоним **Harlington** в 831 г. имел форму **Hygereding tun** [45: 162]. Даже агглютинировавшись к топониму, *-ton* долго сохраняет исходное значение, ср. **Orpington** — “деревня людей *Ogred-a*” [45: 264]. Со временем *-ton* полностью инкорпорируется с *-ing* и, слившись, они образуют единый топусуффикс *-ington* со значением “место людей + имя человека (в досуффиксальной части топонима)”. Частое употребление суффикса *-ington* привело к тому, что новообразования возникали уже по продуктивной модели “личное имя + суффикс *-ington*.”, ср.: **Wilmington** — “ферма людей *Wilhelm -a*”; **Bedlington, Paington** и др. [45: 394, 33, 268]. Другими генетически полнозначными словами, добавлявшимися к суффиксу *-ing*, были: *ham* — “деревня”, *field* — “поле”, *ley* — “луг”, *wood* — “лес” и др. Ср.: **Birmingham** — “деревня людей, принадлежавших *Beorm-y*”; **Headingley** — “луг, принадлежавший людям (потомкам, подданным) человека по имени *Hedde*”; **Wellingborough** — “укреплённое место людей *Wændel- a*” и т. д. [45: 41, 167, 381].

В славянских языках с их преимущественно суффиксальным способом словопроизводства форма *-ичи* расширялась при помощи суффиксов. Доказательством семантической транспозиции суффикса *-ичи* является его расширение посессивными суффиксами *-ов*, *-ев*, *-ин*. Суффикс *-ичи* сливается с простыми суффиксами *-ов*, *-ев*, *-ин*, образуя усложнённые топоформанты *-овичи*, *-евичи*, *-иничи*. Слияние этих простых суффиксов в усложнённые топоформанты происходило в результате близости их значения. Так что расширение суффикса *-ичи* и появление *-овичи*, *-евичи*, *-иничи* было обусловлено всем ходом социально-исторического развития общества. О. Н. Купчинский отмечает, что ойконимы на *-ичи* регулярны в древнерусском языке, а к концу древнерусского периода становятся продуктивными названия селений на *-овичи* *-евичи* [13: 10]. Русск.: **Осмоловичи**, **Красовичи**, **Костковичи**, **Нарвидовичи**, **Неговичи**, **Германовичи**, **Димитровичи**, **Яковлевичи**. В топонимии Украины древнейший суффикс *-ичи* сохранил свой облик и употребляется даже после того, как утратил свою “функцию патронимичности”. Поэтому среди топонимов староукраинского языка XIV–XV вв. “есть и отантропонимические (**Тишковичи** < Тишко, **Михалковичи** < Михалко, **Костковичи** < Костко), отапельлятивные (село **Ловчичи** < *ловчий* ‘придворный, который отвечал за охоту’, село **Оузворотвичи** < *оузворот* ‘около ворот’). Ареальной закреплённости эти образования не имеют, но зато многочисленны они на землях Галичины” [32: 46]. Расширение употребительности германского суффикса *-ing* и славянского суффикса *-ичи* привело к выветриванию их первоначальной семантики. Патронимическое, посессивное и другие значения, свойственные отантропонимическим образованиям, со временем стали ослабевать, стираться, так как дотопонимическая семантика топонимов не является необходимой для функционирования названий. Этот факт, а также экспансивные устремления продуктивных топонимобразующих суффиксов привели к тому, что новообразования могли не иметь приведённых выше значений. В основу отантропонимических ойконимов могло лечь, например, имя первопоселенца, основателя селения, который мог и не быть владельцем этого населённого пункта. При номинации использовалось иногда наиболее распространённое в данной местности имя, что служило её своеобразной приметой (а названия селениям скорее давались спонтанным образом соседями, чем самими жителями), ср. белорус.: **Мацевичи**, **Юревичи**, **Дорошевичи**, **Леоновичи**, **Русаковичи**; ср. русск. ойконимы: **Либеричи** (от антропонима *Либер*) > **Либеричи** > (1623 г.) > совр. город **Люберцы** (Московская обл.) и **Глуховичи** (XVI ст. от антропонима *Глухов*) > **Луховичи** > сов. г. **Луховицы** (Московская обл.) — “переход *-ичи* в *-ицы* для Подмосковья обычный” [21: 248–249].

Широкая распространённость рассматриваемых топоформантов привела к тому, что они разорвали сдерживающие их границы семантических микрополей и начали использоваться для номинации с указанием на самые разнообразные факторы. Возникает новый тип топонимов с этими суффиксами, который В. Ташицкий назвал “топографическим”, означавший людей не по предку (или владельцу), а по месту обитания, ср. англ.: **Blything** — “люди, проживающие возле реки Blyth”; **Avoning** — “люди, проживающие возле реки Avon”; название города **Torrington** возникло от названия реки, которая протекает через этот город, и обозначало “ферма возле реки Torrridge”, ср. административный район **Torrridge**, который принял гидроним в качестве своего имени без изменений, ср. ещё отгидронимические деривативы **Dorking**, **Ulting**. Немецкий ойконим **Salzungen** возник от гидронима Salzbrunnen; **Beverungen** — от Bever; **Bodungen** — от Bode; **Groß-Leinungen** — от гидронима Leine [27: 49]; ср. белорусский ойконим — **Тонежичи** — “люди, живущие около реки Тонеж” [1: 76]; возможно, укр. ойконим **Потемичи** обозначал первоначально поселенцев, живущих возле реки Потемичи [20: 27]. По мнению М. Рудницкого, к древнейшим наименованиям следует отнести племенные названия **Lucice**, **Łutičie** — от “люди с болот, с болотных, водных мест” [Rudnicki, цит. по 36: 56]; ср. польск. **Luzicy** — от lug, **Ledzicy** — от led; **Podgo'rzycy** — “живущие под горой”, **Obodrzycy** — “племя, живущее по берегам Одера”, **Goleszycy** — “жители плодородной безлесной территории (gola — плодородная безлесная территория)” [24: 13]. Ойконимы рассматриваемого типа могли иметь оттопонимический характер. Они могли возникнуть из названий других селений. Английский ойконим **Hawling** обозначал выходцев из Hallow; **Tendring** — выходцев из Tundern; нем. **Hecklingen** — выходцев из Hakel. Украинский ойконим **Узвортовичи** генетически восходит к обозначению выходцев из села Узвортова; название **Бірчичи** означало выходцев из Бірчі. Со временем круг производящих основ с указанными формантами расширяется. Всё чаще производящие основы имеют отапельлятив-

ное значение, ср англ. **Epping, Upping, Iphing** — “жители высокогорий”; **Barking** < др. — англ. *berica — “берёза” — “жители берёзового леса”; **Nazeing** < др. — англ. *NÆSS “мыс” — “жители мыса”; **Sompting** < др. — англ. *sumpt “болото, топь” — “люди, живущие у болота” [38: 26, 431, 337]. Название г. **Cramlington**, возможно, возникло от др. — англ. *cran-wella* (журавлиный ручей). Добавление др. — англ. суффикса *-ington* оформило всё название как “место с людьми, живущими возле журавлиного ручья” [45: 100]. Название английского шахтёрского городка **Easington** восходит к ручью, чьё название обозначает просто “вода”. Поэтому ойконим можно истолковать как “место людей, живущих возле воды” [45: 123]. Ср. нем.: **Waterlinge** — “люди, живущие у воды”; **Berghelinge** — “люди, живущие в горах”; **Hungen** — “жители высокогорий”; **Wasungen** — “жители лугов”. Аналогичная ситуация наблюдается и в славянской топонимии. В таких случаях нередко использовались локативные префиксы. Основой новых образований на *-ичи* были предложные образования типа укр. “*nid gora*”, “*za gora*”, “*mezi gora*”, которые, лексикализируясь, создавали основу ойконимов. Поселенцы получали названия от соседей в зависимости от того, где и в каком направлении по отношению к этим соседям они размещались — за горой, под горой или между горами. Так возникли ойконимы **Загоричі, Підгоричі, Межигоричі**. Формант *-ичи* выступает здесь в “этнической” функции как эквивалент суффикса *-ани -яни*; ср. ещё белорус.: **Заостровичи**. Со временем рассматриваемые форманты приобрели способность к соединению с любым апеллятивом, ср. англ.: **Clavering** — от др. — англ. *clæfre (clover — “клевер”) — “поле клевера”; **Docking** — от др. — англ. *Doccing (dock — “щавель”) — “место, где растёт щавель”; **Saling** — от др. — англ. *salth (sallow — “ива”) — “молодой ивовый лесок” [38: 109, 146, 402]. Ср. нем.: **Solingen** — от Sol — “лужа”, “болотистая местность”; укр. **Вербичі** — от “верба”; белорус.: **Вербовичи**; рус.: **Каменичи** — от “камень”. В. А. Жучкевич отметил, что в Белоруссии к XV — XVI вв. восходят топонимы, свидетельствующие об уже исчезнувших промыслах: **Лудичи, Секеричи** [7: 81]. В Новгородских писцовых книгах XV — XVII вв. названия поселений на *-ичи* с отапеллятивными основами составляют примерно одну пятую часть всех зафиксированных ойконимов этой модели [19: 79].

Как германский суффикс *-ing*, так и славянский *-ичи* могли возникать в результате переформирования других суффиксов (либо компонентов композитов). Многочисленные англ. названия на *-ing* восходят к др. — англ. композитам с конечным *-hline* “холм”: **Garlinge** < др. — англ. *gren hline — “зелёный холм”; **Ratling** < др. — англ. *rýt-hline — “холм, покрытый кустарником”; **Sholing** < др. — англ. *scor-hline — “холм на берегу”; **Swazrling** < др. — англ. *sweord hline дословно — “холм-меч”; **Sydling** < др. — англ. *sid-hline — “широкий холм” [38: 192, 381, 419, 456, 458].

Под влиянием продуктивной словообразовательной модели иноязычные образования могли подвергаться звуковому переформлению, так что их финали уподоблялись распространённому топоформанту, ср. переход др. — сканд. топонима в англ.: **Eikhringr** > **Eakring**; ср. переход чешских названий в немецкие: **Manětin** > **Maneting**; **Služetin** > **Lusading**; **Chvařiny** > **Qualsing**; **Hodonín** > **Göding**; ср. переход венгерского топонима в немецкий: **Berény** > **Bering** [27: 51].

Как видно из изложенного, в топонимии каждого из рассматриваемых языков есть суффиксальные образования, которые различаются не только своей специфической семантикой, но и чисто суффиксальной спецификой. Можно выделить топонимы с *первичными топоформантами* и топонимы со *вторичными топоформантами*. Различаясь генетически, они сходны функционально. Можно сделать следующий типологический вывод: расширение круга производящих основ топонимов не приводит к изменению их классификационного значения. Так, в русском языке топонимы на *-ичи*, как правило, являются ойконимами независимо от того, вычленяется ли у них отапеллятивный корень, основа древнего славянского личного имени-композита, полная или сокращённая основа христианского имени, географического названия, “темная” основа, не соотносимая в синхронии ни с апеллятивами, ни с именами собственными. В топонимии каждого из рассматриваемых языков есть суффиксальные образования, которые различаются не только своей специфической семантикой, но и чисто суффиксальной спецификой. Палитра топонимических суффиксов в восточнославянской ойконимии чрезвычайно богата как в качественном, так и в количественном отношении, в отличие от бедной в этом отношении североамериканской ойконимии. Наш сопоставительный анализ полностью подтверждает вывод о том, что топонимия восточнославянских языков отличается “ярко выраженной суффиксальностью” [18: 22]. Из этого следует, что узорегиональное сопоставление сплошного слоя суффиксальных

ойконимов окремо взятих топонимических районів не дає релевантних в типологічному плані результатів. Типологічний підхід потребує відбору на досопоставительному, попередньому етапі тільки тих формантів, які є прийнятними для порівняльно-сопоставительного аналізу, мають щось спільне по самій своїй специфіці.

1. *Адамович Е. М.* О суффиксальном способе образования географических названий Белоруссии // Всесоюзная конференция по топонимике СССР: Тезисы. – Л., 1965. – С. 76.
2. *Беленькая В. Д.* Очерки англоязычной топонимики. – М., 1977.
3. *Бучко Д.* Принципи та способи номінації поселень (на матеріалі ойконімії Тернопільщини) // Філологічні дослідження: Зб. наук. праць з нагоди 80-річчя чл. – кор. НАН України Ю. О. Карпенка. – Одеса, 2009. – С. 64 – 70.
4. *Гуцал Л. І.* Наголошення суфіксальних ойконімів // Записки з ономастики: Зб. наук. праць. – Одеса, 1999. – Вып. 2. – С. 93 – 99.
5. *Дьяконов А. М.* Некоторые вопросы современной индийской топонимики // Топонимика Востока: Труды совещания по топонимике Востока (Москва, 10–13 апр. 1961 г.). – М., 1962. – С. 53 – 59.
6. *Егорова Т. П.* Географические апеллятивы и словообразовательные модели скандинавской топонимии // Топонимика зарубежных стран. – М., 1981. – С. 58 – 65.
7. *Жучкевич В. А.* Топонимика Белоруссии. – Минск, 1968.
8. *Карпенко Ю. А.* Признаки молодости топонимической системы // Перспективы развития славянской ономастики. – М.: Наука, 1980. – С. 48–57.
9. *Карпенко Ю. О.* Українська гіпотеза // Мовознавство. – 1993. – № 5. – С. 3 – 8.
10. *Ковалик І. І.* Вчення про словотвір (словотвірчі частини слова): Лекції з мовознавства. – Львів, 1958.
11. *Ковалик І. І.* Про основну мовну одиницю словотвірного рівня // Українське мовознавство. – 1976. – Вып. 4. – С. 28 – 32.
12. *Купчинський О. А.* Найдавніші слов'янські топоніми України як джерело історико-географічних досліджень: (Географічні назви на -ичі). – К., 1981.
13. *Купчинский О. А.* Украинские географические названия на -ичі XIV–XXвв. (История возникновения, семантико-структурный анализ, статистика и география): Автореф. дис. ... канд. филол. наук: спец. 10. 02. 02, „Языки народов СССР (украинский язык)”. – Одесса, 1974.
14. *Лебедева А. И.* Словообразование в Псковской топонимике // Уч. зап. ЛГУ. – Серия филол. наук. – № 198. – Вып. 24. – Л., 1956. – С. 10 – 50.
15. *Мриглод М. П.* Становлення і розвиток моделей ойконімів Правобережної України з християнськими іменами в основах: Автореф. дис. ... канд. филол. наук: спец. 10. 02. 01, „Українська мова”. – Івано-Франківськ, 2002. – 20 с.
16. *Никонов В. А.* Пути топонимического исследования // Принципы топонимики. – М.: Наука, 1964. – С. 58 – 86.
17. *Никонов В. А.* Рецензия на: Šmilauer V. Osídlení Čech ve světle místních jmen. – Praha, Nakladatelství ČSAV, 1960. – 392 с. // Вопросы языкознания. – 1961. – № 2. – С. 141 – 145.
18. *Никонов В. А.* Славянский топонимический тип // Вопросы географии. – М.: Мысль, 1962. – Сб. 58. – С. 19 – 27.
19. *Полковникова С. А.* Географические названия Новгородских писцовых книг XV – XVI вв: Дис. ... канд. филол. наук: 10. 02. 01. – М., 1970.
20. *Посацька-Черняхівська Є. М.* Географічні назви, пов'язані з іменами людей, їх прізвищами і прізвищами // Мовознавство: Наук. зап. – К., 1957. – Т. XIV.
21. *Поспелов Е. М.* Географические названия мира. Топонимический словарь. – М., 2002.
22. *Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике: В 4-х т. – Т. 3: Об изменении значения и заменах существительного. – Харьков, 1899.
23. *Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике: В 4-х т. – Т. 4. – Вып. 1: Существительное. Прилагательное. Местоимение. Союз. Предлог. – М., 1985.
24. *Роспонд С.* Перспективы развития славянской ономастики // Вопросы языкознания. – 1962. – № 4. – С. 9 – 19.
25. *Рыбаков Б. А.* Геродотовы Скифия: Историко-географический анализ. – М., 1979.
26. *Селищев А. М.* Из старой и новой топонимии / Избр. труды. – М., 1968. – С. 45 – 128.
27. *Склярченко А. М.* Закономерности словообразовательной организации ойконимии (на материале украинских и немецких названий населённых пунктов): Дис. ... канд. филол. наук: 10. 02. 20. – Одесса, 1974.
28. *Склярченко О. М.* Изоморфизм та аломорфизм в ойконімії США й України: Дис. ... канд. филол. наук: 10. 02. 15. – Одеса, 2008.
29. *Словотвір сучасної української літературної мови / АН УРСР. Ін-т мовознавства ім. О. О. Потебні. Відп. ред. М. А. Жовтобрюх.* – К., 1979.
30. *Суперанская А. В.* Типы и структура географических названий // Лингвистическая терминология и прикладная топонимика. – М.: Наука, 1964. – С. 59 – 118.
31. *Трубачёв О. Н.* О племенном названии улицы // Вопросы славянского языкознания. – М., 1961. – Вып. 5. – С. 186 – 190.
32. *Франко З. Т.* Словотвірні типи мікротопонімів староукраїнської мови XIV – XV ст. // Мовознавство. – 1984. – № 4. – С. 44 – 50.
33. *Худаш М. Л.* Питання походження давньоруських етнонімів *дреговичи* й *уличі* // Мовознавство. – 1981. – № 5. – С. 53 – 54.
34. *Черняхівська Є. М.* Питання словотвірчої будови топонімічних назв на Львівщині // І Республіканська топонімічна нарада: Тези. – К., 1959.
35. *Шанский Н. М.* Двусловные названия городов в русском языке // Ономастика Поволжья. – Ульяновск, 1969. – С. 83 – 94.

36. Шульгач В. П. Гідронім Лютиця на топонімному фоні Західного Полісся // Мовознавство. – 1988. – №4. – С. 55 – 60.
37. Dauzat A. et Rostaing Ch. Dictionnaire étymologique des noms de lieux en France. – Paris, 1963. – 738 p.
38. Ekwall E. The Concise Oxford Dictionary of English Place-names. – 4-th ed. – Oxford, 1966.
39. Fitzpatrick L. L. Nebraska Place-Names, 1982.
40. Dover G. Cornish Place-Names // “Antiquity”. A quarter review of archeology. – 1928.
41. Jezowa M. Dawne słowiańskie dialekty Meklemburgii w świetle nazw miejscowych i ocobowych // Słowotwórstwo. – Zeszyt II. – Wrocław-Warszawa-Krakow, 1962.
42. Muret E. Les Noms de Lieux dans les Langues Romans. Conférence faites au Collège: Collection de Documents Linguistiques / Dirigée par MM. Meillet et Vendryes. – III. – Paris, 1928.
43. Ramsey R. L. Our Storehouse of Missouri Place Names. – Columbia, 1973.
44. Reany P. H. The Origin of English Place-Names. – 4-th impr. – London, 1969.
45. Room A. Dictionary of Place-names in the British Isles. Over 4,000 place-names – their fascinating origins and history. – London, 1988.
46. Stewart G. R. American Place-Names. A Concise and Selective Dictionary for the Continental United States of America. – New York, 1970.
47. Trautmann R. Die Slavischen Ortsnamen Mecklenburgs und Holsteins. – Berlin, 1950.

O. N. Sklayrenko

ABOUT SOME KINDS OF SUFFIXES IN THE SPHERE OF HABITATION-NAMES (TYPOLOGICAL ASPECT)

The article is devoted to the typological comparison of toponymic suffixes in different languages. It is proved that they pass similar ways of transformation process.

Key words: suffix, topoformant, typology, oikonym, derivative, Germanic and Slavonic languages.

O. M. Склярєнко

ПРО ДЕЯКІ РІЗНОВИДИ СУФІКСАЛЬНИХ УТВОРЕНЬ В ОЙКОНІМІЇ (ТИПОЛОГІЧНИЙ АСПЕКТ)

Стаття присвячена типологічному зіставленню топонімічних суфіксів різних мов. Аргументується типологічний ізоморфізм їх трансформаційних шляхів.

Ключові слова: суфікс, топоформант, ойконім, дериватема, германські та слов'янські мови.